

Хуан Матеос

ПОСЛАНИЕ ИИСУСА

© Русский перевод: С. В. Голованов, 2011 г., для
свободного распространения в сети Интернет

Еврейский мир во время Иисуса

В время рождения Иисуса в Палестине правил Ирод I Великий, союзник римского императора. После его смерти в 4 г. до н.э. с согласия Рима царство было разделено среди его сыновей.

Иудея, Южная провинция со столицей в Иерусалиме, и центральная провинция Самария достались Архелаю. Галилея на Севере и Заиорданье к востоку управлялись Иродом II Антипой, правившем до 39 года. Третий сын Филипп унаследовал территорию к востоку от Иордана и к северу от Галилейского озера.

Из-за жестоких методов властвования Архелай был снят римлянами с правления и сослан; на его место в 6 г. нашей эры был назначен губернатор (прокуратор). Самым известным прокуратором был Понтий Пилат, занимавший пост между 26 и 36 годами и осудивший Иисуса на смерть.

Римское государство предоставило евреям большую свободу передвижения. Ирод на Севере обладал относительной независимостью, и римские чиновники на Юге Палестины обычно не вмешивались во внутренние еврейские дела, хотя случались исключения.

Власть и еврейские партии

Еврейское правительство находилось в руках Великого Совета, составленного из семидесяти двух членов под председательством высшего первосвященника. В Совет входили представители трех групп: первосвященники, сенаторы, или старейшины, и книжники, или ученые законники, бывшие экспертами по религиозным вопросам и еврейскому праву.

Первосвященники назначались из наследственной священнической аристократии, принадлежали к влиятельным

семьям и занимали наивысшие иерархические посты в администрации храма. Первосвященник был священной фигурой. Первоначально его служение было пожизненным, но во время Иисуса римляне назначали и свергали первосвященников в зависимости от политических взглядов последних.

Первосвященники были официальными представителями еврейской религии и священного культа, обладавшими властью над храмом — религиозным и политическим центром Израиля. Все евреи с двенадцатилетнего возраста, включая живших за границей (а их было немало), должны были заплатить ежегодный налог на храм, эквивалентный стоимости работы в течение двух дней (*Мф. 17,24*). На содержание духовенства следовало внести десять процентов (десятину) от урожая (*Мф. 23,23*). Помимо этого храм получал дары (*Мк. 7,11*) и богатую милостыню, прежде всего от состоятельных людей (*Мк. 12, 41*), не говоря уже о контроле над рынком домашнего скота для жертв и точками обмена валюты (*Мк. 11,15*). Все это превратило храм в обширную торговую площадку под управлением первосвященников. Они представляли политическую и религиозную власть, и были в то же самое время влиятельной финансовой группой.

Город Иерусалим фактически содержался за счет огромных доходов храма, особенно в периоды паломничеств (трижды в год), когда помимо палестинских евреев прибывали жители диаспоры, а также иноплеменники (*Ин. 12, 30*).

Вторая группа в Совете была представлена сенаторами (старейшинами), влиятельными мирянами из знатных семей. По большей части они были крупными землевладельцами и составляли костяк партии саддукеев, к которой также принадлежали и первосвященники.

Эта партия была очень консервативна в религиозных вопросах (они принимали в качестве Священного Писания только первые пять книг, приписываемые Моисею) и в политике. Саддукеи удачно вписались в систему римского правления и дос-

тигли своего рода компромисса — неписаного конкордата: они поддерживали существующий строй, потому что занимали ключевые позиции в местной власти и желали договориться с римлянами по-хорошему. Они отказались от любого политического идеала, кроме поддержания статус-кво, в котором пользовались определенной свободой действий и держали под контролем всю религиозную и внутривластную ситуацию в провинции. Они были прагматичными реалистами: соглашались с правлением чужеземцев, пока оно не угрожало их собственному положению.

Третья группа в Совете была представлена учеными книжниками, или законниками, являвшимися экспертами в области богословия и религиозного права. Большинство из них принадлежали к фарисейской партии. Фарисеи, что значит «отделившиеся», были благочестивыми мирянами, ревнующими о соблюдении религиозных обрядов во всей их воображаемой полноте и мельчайших деталях. Они занимались исследованием Ветхого Завета, чтобы извлечь из него детальные наставления к благочестивой жизни. Постепенно они разработали огромный комментарий к Моисеевым законам, который объяснял значение древних предписаний и способов их соблюдения в конкретных житейских обстоятельствах. Праведник должен был жить в постоянной бдительности, чтобы ежеминутно контролировать себя в соблюдении заповедей. Ученые фарисеи считали себя подлинными знатоками закона и усвоили божественное значение собственному преданию, поскольку согласно вероучению, их толкование ничего не добавило к древним священным текстам, а лишь объяснило их.

Двумя главными предметами их озабоченности были: во-первых, заплатить десятину от плодов земли и ничего не потребить, не будучи уверенными, что заплачено именно **10 %** от стоимости урожая; во-вторых, содержать себя «чистым», избегая касания мертвых тел или людей с определенными заболева-

ниями (например, проказой), и не иметь никаких отношений с людьми сомнительной репутации, что могло означать практически каждого, кто не соблюдал религиозный закон тем способом, которым они его толковали. Они думали, что прикосновение к нечистым объектам или общение с неправедными людьми расстроит их отношения с Богом. Для них термин «грешить» означал нарушение определенных правил или норм, ими же и установленных¹.

Фарисеи обладали огромным духовным авторитетом среди народа, хотя их считали большими гордецами (*Лк. 16, 15*). Люди находились под впечатлением от добродетельного образа жизни фарисеев, который те умудрялись поддерживать во всей строгости и полноте, чтобы поддержать престиж и влияние (*Мф. 6, 1–2, 5, 16*). Фарисеям удалось заставить людей думать, что для угождения Богу нужно подражать фарисейским обычаям. Комплекс вины, возвращенный в людях, сделал их послушным орудием в руках фарисеев. Несмотря на соблюдение правил религиозного благочестия, фарисеи любили деньги и эксплуатировали простой народ под разными благовидными предложениями (*Мф. 23,25–28; Мк. 12,40; Лк. 11,39; 16,14*)².

¹ Они не доверяли обычным торговцам, которые возможно не заплатили в точности десятины от дохода на храм, и поэтому организовывали свои собственные потребительские общества. Это затрагивало интересы мелких торговцев, которые чувствовали себя обделенными; отсюда антагонизм, который они питали к фарисеям. С другой стороны все, что фарисеи приобретали, а так же их кубки и блюда, должны были быть тщательно омыты у них на глазах, в случае если они случайно «осквернились». Помимо всего этого, они занимались сложным ритуальным омовением перед приемами пищи, на случай если их руки ранее случайно коснулись «нечистого» (*Мк. 7,1; Лк. 11,38*).

² Наиболее уважаемым разрядом фарисеев были религиозные ученые, или книжники, — образованные учителя закона. В данном служении они утверждались в возрасте старше сорока лет. Они носили особую одежду с кисточками на плащах и с табличками на лбу и руке с цитатами из Ветхого Завета; у них были ученики, внимавшие их словам и называвшие их «отцами» или «наставниками». Книжники занимали первые места на религиозных собраниях и праздниках, а на улицах люди приветствовали их с большим уважением.

Преданность скрупулезному соблюдению закона принудила фарисеев презирать других людей (Лк. 18, 9), которых они называли «грешниками», «неверующими», «людьми без религии» (Мф. 9, 10-11, Лк. 15, 1-2) или «проклятыми» (Ин. 7, 49). Они требовали буквального соблюдения обрядового закона от других, но сами пользовались множеством лазеек в религиозном праве, что усиливало несправедливость. Кроме того, скрупулезность в мелочах приводила к упущению действительно важных заповедей (Мф. 23, 23; Лк. 11, 42). Среди фарисеев бывали честные мужи, обеспокоенные опасностью лицемерия в их партии, но у них не было достаточного влияния.

Авторитет фарисеев был настолько велик, что партия саддукеев (первосвященники и старейшины), номинально контролирующая политическую и религиозную власть, никогда не принимала решений, не удостоверившись в поддержке «благочестивых».

Короче говоря, Совет обладал властью и был правящим классом во всех аспектах: политическом, идеологическом, экономическом и религиозном.

Ессеи

Одной из партий, порвавшей с политической и религиозной системой Израиля, была секта ессеев, усвоившая фарисейскую тенденцию к чрезвычайным проявлениям религиозности. Фарисеи были партией, оппозиционной саддукеям, но уважали учреждения, тогда как ессеи, будучи намного более радикальным, считали, что культ и сам храм находятся в состоянии не-

Обычно их называли «равви» (владыко, господин). Фарисейская навязчивая идея в скрупулезном соблюдении религиозных законов привела к тому, что многие из них представляли Бога в качестве небесного главбуха, отмечающего хорошие и плохие деяния людей в особой книге. Если человек совершал грех, то это считалось долгом, который можно было погасить жертвоприношением в храме или делами милосердия.

чистоты, потому что священство утратило законность поставления. Ессеи не принимали участия в храмовых богослужениях и не сотрудничали с представителями власти. Они надеялись, что Бог восстановит законность священства и ритуальную чистоту храма. Их непримиримость была такова, что они считали лишь себя единственными богоугодными людьми и надеялись на грядущий божественный суд, который их одних оправдает, а всех остальных осудит.

Они жили общинной жизнью даже в городах. На берегу Мертвого моря были найдены руины своеобразного есеевского монастыря. Ессеи не обладали никакой частной собственностью, но отказались от своего имущества в пользу общины. Сообщество заботилось и удовлетворяло нужды своих членов. В нем были свои собственные особые ритуалы, такие как омовения, ритуальные погружения и общая трапеза как знамение братства. Обычно ессеи не вступали в брак из страха оскверниться во время супружеского соития в рамках строгих правил ритуальной чистоты. Они были чрезвычайно скрупулезны в соблюдении уставов, и их принцип заключался в том, чтобы любить членов сообщества и ненавидеть внешних (ср. *Мф. 5,43*).

Националисты

Последним важным движением были фанатичные националисты, или zeloty (ревнителю), объединенные в тайные повстанческие группы. Кажется, что основателем движения был Иуда Галилеянин (*Деян. 5, 37*), выступивший против уплаты дани римскому императору. Он организовывал восстание, подавленное римлянами в крови. Его последним укрытием был город Сефорис, стоящий на холме напротив Назарета. Иисус был еще ребенком, когда римские войска разрушили это место, и он мог видеть это из своего родного города.

Среди этих фанатиков была группа террористов, т. н. секариев, вооруженных кинжалами и совершавших нападения на римлян и евреев, сотрудничавших с оккупационным режимом.

Националисты происходили из угнетаемых классов. Их сопротивление переписи населения и отказ платить дань римлянам получили поддержку крестьян и мелких торговцев, тогда как крупные землевладельцы были согласны на правление римлян. У националистов была программа земельной реформы, и в начале Иудейской войны (66 г. н.э.) они сожгли долговые записи, чтобы освободить бедных от угнетения. Они уважали еврейские установления, но ненавидели тех, кто находился у власти, считая их предателями национальных интересов. Цитаделью этой партии была Галилея, и римляне преследовали националистов до полного истребления (*Лк. 13,1*)³.

Надежда: Царство Божие

Главное упование Израиля сосредоточилось в ожидании Царства Божие, которое изменит курс истории, открыв эру справедливости, мира и процветания, о которой возвещали пророки, начиная с горького Вавилонского пленения.

Трудно пересказать различные способы, которыми евреи ожидали желанного освобождения. Их главные положения можно было свести к следующему образу: Царство Божие должно быть установлено Мессией — вождем, посвященным Богом в цари Израилю, восстановителем царства Давида, побе-

³ Население Самарии, центральной области Израиля, было нееврейским. Там находились колонии других наций и народностей, у которых смешались различные верования. У них даже был свой собственный храм (*Ин. 4,10*), но евреи разрушили его незадолго перед началом христианской эры. Во время Иисуса вражда между самарянами и евреями была очень сильна. Именно поэтому Иисус не смог остановиться в самарянских селах (*Лк. 9,52–56*). Худшее оскорблением в устах фарисея — назвать кого-либо «самарянином» (*Ин. 8,48*). Для евреев самаряне были еретиками и язычниками, с которыми они отказывались иметь даже деловые отношения (*Ин. 4,9*).

доносным военачальником, который сбросит римское господство, победит и унизит языческие нации. Он должен был быть защитником и знатоком закона (*Ин. 4,25*), судьей, очищающим народ от скверны и открывающим эру, в которой не будет бедности и угнетения и все учреждения: царство, храм, священство и суды действовали бы справедливо. С грехом, голодом и бедствиями было бы покончено, и евреи оказались бы в действительно счастливом обществе. Многие ожидали, что Мессия явится на парапет Храма (*Мф. 4,5; Лк. 4,9*), откуда обратится к людям и начнет свое победное владычество.

Отношение к этой надежде

Каждая сторона имела собственное отношение к желанному Царству Божию. Саддукеи, правящий класс, в руках которого сосредоточилась политическая, религиозная и экономическая власть, отказались от идеи Мессии в пользу сиюминутных земных благ, которые им предоставляло их владычество.

Фарисеи, держатели духовной власти, были умеренными консерваторами, не скрывавшими своей ненависти к римлянам, но делавшими упор на пунктуальном соблюдении обрядовых предписаний, думая, что только таким образом можно ускорить наступление Царства Божия. Они ничего не делали, чтобы улучшить удручившую социальную атмосферу, в которой они наслаждались привилегированным положением. В какой-то степени они и сами были ответственны за царящее беззаконие. Им казалось, что если бы весь народ так же строго соблюдал религиозный закон, как они, то Бог непременно вмешался бы в историю и в благоприятное время учинил государственный переворот без народного участия. Они проклинали всех, кто думали и действовали не так, как они, особенно необразованных тружеников, у которого просто не было времени для такого сложного вида религиозности. Фарисеи объясняли замедление прихода Царствие Божия упадком благочестия в народе.

Ессеи, чрезвычайная упорная группа, как и фарисеи ожидали Царствия Божие, но были сосредоточены только на жизни собственной общины.

Националистические фанатики, происходившие из нижних слоев, надеялись на приход Царствия Божия, но не опускали рук, как фарисеи. Они были сторонниками активных действий и занялись проведением террористических акций, нацеленных на насильственную революцию. Их первой целью было освобождение Израиля от римского господства. Революция должна была быть и социальной, чтобы улучшить положение бедных, и политической, чтобы свергнуть коррумпированных правителей. Данная партия выступала за радикальное реформирование всех сторон общества.

Отсюда правящие классы были или коллаборационистами, как саддукеи, или бездействующими созерцателями, как фарисеи, которые хотя и ненавидели римское владычество, были не прочь устроиться в нем поудобней. Люди, презираемые и оставленные духовными лидерами, жили бесцельной и никчемной жизнью (*Мф. 9,36* «они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря»). Народ сочувствовал националистической партии, потому что потерял всякую надежду на справедливость со стороны правящих классов. Его было нетрудно поднять на бунт.

У всех сторон был общий знаменатель: вера в законность еврейских установлений и богоизбранность народа Израиля; хотя все, кроме естественно саддукеев, считали, что им управляли недостойные мужи⁴.

⁴ Пророческие обвинения Ветхого Завета также были реформистскими по сути: кроме нескольких мимолетных призывов к установлению нового порядка (например, *Иер. 31,31–34; 33,19–26*), справедливость, которую они требовали во имя Божие в конечном счете сводилась к улучшению существовавших у них учреждений.

Бедные

Палестинская экономическая структура состояла лишь из двух социальных слоев: бедных, большинство из которых были крестьянами, и землевладельцев, или зажиточного класса. Не было никакого понятия о ценности среднего класса, и даже искусные ремесленники относились низам общества. Учитывая пропасть между двумя слоями и практическое отсутствие среднего класса, не ожидалось никакой надежды на достойное человеческое существование для бедных, не обладавшими никакими средствами для улучшения ситуации, которая целиком зависела от желания власть предержащих⁵.

ПОСЛАНИЕ ИИСУСА: НОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Мы теперь подходим к тому, что евангелисты сообщают нам о послании Иисуса, принесенном в эту запутанную и напряженную ситуацию. Иоанн Креститель, весьма суровый подвижник, казалось, призвал людей изменить свою жизнь, говоря, что Царствие Божие, надежда еврейского народа, приблизилось (*Мф. 3,2*).

Из Галилеи прибыл Иисус, плотник из Назарета (*Мк. 6,3*), и Иоанн окрестил его. Таким образом, Иисус встал с виновным человечеством, готовясь совершить миссию во имя всех (ср. *2 Кор. 5,21*). С тех пор Иисус был явлен как Мессия — вождь, посланный Богом. Дух, сила Божия, осенила его, и голос Отца объявил, что он был его Сыном, Царем и Рабом.

⁵ Бедняк Ветхого Завета был угнетаемым человеком, жаждущим справедливости, который в чрезвычайной ситуации мог прибегнуть к насилию, как единственному способу облегчить свое положение, хотя бы на время. В последний период Ветхого Завета среди бедняков проявлялась тенденция считать себя «бедными Яхве». Эти люди, отчаявшиеся снискать человеческую защиту, возложили доверие на Бога, единого способного воздать им должное и избавить от страданий. Во времена Христа о подлинной справедливости говорить было еще рано.

Для Израиля быть Царем означало спасение; быть Рабом — спасением для всех народов (Ис. 42, 1–4, 6; ср. Мф. 12). Царь являет триумф, Раб — страдает (Ис. 53, 3–12). Эти особенности, рассеянные в Ветхом Завете и теперь соединившиеся в человеке Иисусе, проясняют, что в Божьем плане идея Мессии не вполне соответствовала еврейским ожиданиям. Но его миссия, в которой он должен быть Царем и Рабом в одном лице, состояла в том, чтобы установить справедливость и защитить бедных и угнетенных (Пс. 71,1–4, 12–14; 42, 1–4; 49,9–13).

Иисус прошел испытание (искушение в пустыне), которое подтвердило подлинность его миссии как Мессии и Слуги с отвержением любых претензий на политическую власть и славу в этом мире (Мф. 4,9–10; Лк. 4,5–8). С самого начала стало ясно, что Царствие Божие будет установлено не через насилие или войну, а Мессия явит не себя торжествующим полководцем или национальным вождем. Кроме того, использовать власть и славу (честь, авторитет, деньги), чтобы продвинуть Царство Божие противоречило Божью замыслу, потому что все это орудия лукавого.

Провозглашение: Царствие Божие

После крещения и божественного явления Иисус возвратился в Галилею, где начал активную проповедь. Как Иоанн Креститель, он потребовал изменения жизни, потому что Царствие Божие приблизилось (Мф. 4,17). Однако он не пытался провозглашать то же самое, что Иоанн. Для последнего Царство началось бы с огромного судебного процесса (Мф. 3,12); для Иисуса оно заключалось в новом образе жизни, который Бог предлагал человечеству.

Естественно, люди понимали Царство согласно своим собственным представлениям, т. е. ожидая изменения в истории Израиля, должным вступить в финальную эру своего процветания и триумфа при правительстве Мессии-Царя. Когда Иисус

сказал, что Царство приблизилось, люди ожили государственного переворота, в котором Мессия восстанет и изгонит римлян, положив конец господству чужеземцев, и преобразит национальные учреждения.

Но Иисус отличал две эры Царствия Божия: одну историческую, которая должна начаться уже теперь, и одну финальную, в которую торжество Бога будет очевидным. Иисус явился, чтобы начать новую эру и основать движение, которое станет началом Царствия Божия в мире.

Наступление царства было радостной вестью (*Мк. 1,15*) особенно для бедных и угнетенных, как это было предвозвещено в Ветхом Завете (*Лк. 4,18–19; Мф. 11,5*). Благая весть заключалась в том, что люди должны были стать свободными и ни в чем больше не нуждаться. В этом состояло послание Божие, принесенное Иисусом: наступает эра равенства, изобилие (*Лк. 2, 51–53*) и человечности, в которую единственным правителем будет непосредственно Бог. Произойдет изменение хода истории — в форме нового человеческого общества.

Группа

Чтобы выполнить поставленную цель, Иисус выбрал мужчин из простого народа, рыбаков с Галилейского озера (*Мф. 4,18–22*). Он призвал их жить не для себя, и ни для благочестивой жизни вне мира, но для миссии, к которой он собирался приготовить их: быть «ловцами людей». Таким образом, Иисус создавал не закрытую, но открытую группу, который должна была возрастать, привлекая мужчин и женщин к новому образу жизни, которую он собирался преподавать своим первым ученикам (*Мф. 13,31–32*).

Сравнение с существующими партиями

Иисус не отождествлял себя ни с одной из существующих партий или движений: конечно же, ни с правящим классом; ни с коллаборационистами саддукеями, фактически отказавшимися от идеала Царствия Божия; ни с фарисеями, которые господствовали и манипулировали людьми с помощью показного благочестия, поддерживая в простаках состояние ложной религиозности. Фарисеи молчаливо соглашались с существовавшей несправедливостью, объявив, что Бог сам разрешит назревшие трудности. Они были приверженцами недеяния, увековечивавшего беззаконие.

Националистическая партия активно требовала перемен. Ее приверженцы, как и Иисус, хотели, чтобы Царствие Божие началось немедленно. Последователи Иисуса принадлежали к угнетаемым классам, но позиция их учителя коренным образом отличалась от националистов.

Глубокий раскол между Иисусом и существовавшими партиями заключался в следующем: все партии принимали еврейскую систему; они верили, что царство, храм и священство было действительными и постоянными учреждениями, кроме того, они верили в исключительное положение еврейского народа среди других наций. Но Иисус не питал доверия ни к одной из этих вещей.

Иисус придерживается радикальной позиции

Позиция, занятая Иисусом, была радикальной: он отрицал законность сложившейся системы вообще. Решения проблемы несправедливости заключаются не в бездеятельности, и не в улучшении (эволюционном или революционном) существовавших учреждений. Корень всех бед человечества лежит в самой системе, которую создали люди в погоне за деньгами, в желании славы и жажда власти; в тройном влечении к «облада-

нию», «превозношению» и «властвованию», толкающих людей на соперничество, ненависть и насилие.

Следовательно, Иисус отклонил все установления Израиля: храм, царство и священство. Он предложил создать новое общество, в котором люди могли быть свободными и счастливыми (Мф. 5, 3–10). Чтобы достигнуть этого, нужно было добровольно отказаться от трех идолов: денег (жажды богатства), славы (желания признания) и власти (вожделения господствовать). Вместо соперничества — сотрудничество; вместо превозношения — равенство; вместо господства — солидарность и смиренное добровольное служение. На место зависти, ненависти и насилия должны прийти братство, любовь и свобода.

Радикализм Иисуса заставляет нас понять, почему в Евангелии мы не видим взывания к справедливости, характерного для пророков. Пророки были реформаторами, они требовали справедливости, потому что верили в законность учреждений. Иисус пришел не для того, чтобы потребовать правосудия, но вынести окончательный вердикт несправедливости мироустройства.

Но все это — не более, чем красивая идея и утопия. Однако Иисус не продвигал идеологии, и по этой причине адресовал свое послание не ко всем. Людям он говорил иносказательно, призывая к размышлению. Он хотел создать группу людей, живущих по предложенным идеалам. Пока нет таких сообществ, не может быть никакого спасения; цель, предложенная Иисусом, будет неосуществимой, а его учение и пример станут не более чем еще одной новой идеологией.

Конечно, насилием нельзя образовать такие сообщества. Для группы существенно, чтобы люди, входящие в нее, были духовно свободными и присоединились к ней через личное убеждение.

Провозглашение Мессии

Поэтому Иисус, никогда никого не принуждая, а только приглашая, начал свою проповедь словами: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (*Мф. 5,3*). Чтобы принадлежать к Царству Божию, что является названием, которое Иисус дает новому обществу, недостаточно быть нищим. Нужно отказаться от самого желания богатства, заключающего в оковы сердце человеческое, толкающего людей на несправедливость и отделяющего их от Бога (*Мф. 6,19–21,24*).

Каждый призыв начинается словом «блаженны». Таким образом, считающие себя нищими духом, не собираются быть среди угнетаемых. Бог, являющийся их царем, обязательно освободит их. Они будут свободными людьми в царстве взаимной любви, свободными от нужды, поскольку все их стремления к справедливости будут удовлетворены в пределах группы, где все поддерживают друга друга, а все вместе укрепляются Богом. В искренних сердцах, где обитает Бог, не может быть никакого соперничества. Живущие в братских отношениях будут посланцами мира среди всех людей, и достигнут такого блаженства, что Бог назовет их своими детьми (буквально сыновьями и дочерьми). Они должны ожидать, что развращенное человеческое общество будет преследовать не принимающих его системы ценностей. Но это не предвестие поражения, а скорее знамение того, что они находятся на стороне Бога и идут путем истины.

Как Иисус объяснил первым ученикам, группа не должна была жить для себя, но для привлечения всех людей доброй воли (они свет мира, видимый град, *Мф. 5,14-16*). Они призваны стать носителями изменений в человеческом обществе (они — соль земли, *Мф. 5,13*; и закваска *13,33*), потому что цель прихода Мессии состоит не в приведении несколько человек к индивидуальному совершенствованию, но в непосредственном вмешательстве Бога, меняющего курс человеческой истории.

Условия для ученичества

Само собой разумеется, что обязательное условие для ученичества была вера в Иисуса как Мессию и Сына Божия (Мк. 1,1; Мф. 16,16; Ин. 20,31); вера, означающая приверженность ему как Человеку и его миссии. Очевидно, что не было бы смысла в следовании за Иисусом, если не верить, что его послал Бог.

а) Отказ от богатства

Даровав веру, Иисус во-первых потребовал от учеников отказаться от стяжания (Мф. 5,3; Мк. 10,21 и Лк. 12,33; 14,33), что является единственным способом порвать с несправедливой системой (Лк. 16,9). Этот отказ является не аскетическим деланием кучки заикленных на себе людей, а необходимостью для вхождения в новое человеческое сообщество, которое Бог хочет сотворить в этом мире.

Иисус жестко не требовал отказа от имущества как обязательного условия для спасения⁶. Но целью группы Иисус поставил, не только обретения вечной жизни, которая уже обетована (Мк. 10, 30; Ин. 3, 18; 6, 47,54; Эф. 2, 5–6), но преобразование человеческого общества. Недостаточно ни индивидуального самосовершенствования, ни добрых дел, основанных на высших идеалах, ни покровительственного милосердия и благотворительности. Он хочет создания группы, в которой нет ни моего, ни твоего, но где все разделяют все, что имеют с другими (Деян. 2,42–45; 4, 52).

Однако, избравшие добровольную бедность, не должны стать толпой нищих. Напротив, Иисус обещал положить конец нужде и голоду. Он говорит лишь, что решение проблемы находится не в стяжании (Мф. 6,19–21), а в раздаянии (Мф. 14,15–21). У человека, отказавшегося от вождения богатства на земле, сам Бог становится капиталом и гарантом безопасности

⁶ Вечная жизнь может проявиться в готовности прийти на помощь ближнему (Мк. 10,17–18; Лк. 10,25–28; 19,8–10; Мф. 25,34–40,46).

(*Мф. 6, 19–21*). Раздавшие то, что имеют, обретут изобилие, явление Иисусом в умножении хлебов (*Мк. 6,38–44*) и обещанное в ответ на вопрошание Петра (*Мк. 10,28–31*)⁷.

Такая жизнь противоречит устоям общества, и поэтому Иисус увещевал желающих быть его учениками к самоотверженному прорыву к новому образу жизни. Чтобы принадлежать группе Иисуса, недостаточно просто быть бедным, нужно сделать другой шаг, а именно отказаться от желания богатства и возлюбить братство.

Иисус не просто отождествлял себя с бедными и угнетаемыми, но еще и не стремился стать вожаком масс (*Мк. 1,37, 38, 45; 6, 45; 8, 10; Ин. 6,15*). У него была глубочайшая любовь к бедным, он проводил с ними много времени, учил, лечил и питал их, но когда заканчивал служение, то удалялся. Он умалился не для того, чтобы стать еще одним из угнетаемых, и не для того, чтобы стать их предводителем: он пришел, чтобы открыть им новую возможность, позволяющую униженным избавиться от ярма, а голодным от голода. В группе Иисуса никогда не было ни одного нуждающегося (*Лк. 22, 35*); он не занимался аскетизмом (*Мф. 11, 18–19*) и при этом не налагал бремени поста на своих учеников (*Мф. 9,14–15*); для него голод был достаточной причиной для освобождения от требований закона (*Мф. 12,1–8*). Он жил скромно, потому что не верил в ценность богатства, и хорошо знал, что богатство часто подразумевает несправедливость (*Лк. 16,9*), так как человеческие свобода и счастье возможны лишь при отвержении любостяжания.

⁷ Пропитание группы не было лишь вопросом рачительного управления; в этом также заключалось божественное благословение (*Мф. 19,26*), и невозможное человекам, сделано Богом, хорошо знающим наши нужды (*Мф. 6,8, 31–33*). Нужно лишь быть готовыми прийти на помощь друг другу (*Мф. 5,7*) и быть щедрым (*6,22–23*). Питание голодных было явным знамением того, что Иисус был Мессией, пришедшим, чтобы благовествовать бедным. Двенадцати ученикам было трудно понять это поначалу (*Мк. 8,14–21*).

в) Отказ от чести и власти

Отказ от богатства требует следом отречения от почестей и власти, проистекающих из него. Где нет богатых и бедных, нет ни начальника, ни подчиненного. В своей группе Иисус никогда не позволял помыкать друг другом. Во-первых, в группе была полная свобода; он никогда не навязывал образа жизни, которого следовало строго придерживаться; обрядов, которые следовало соблюдать или обязательных практик. А когда его критиковали, что его ученики не вели подвижнического образа жизни, он вообще отказался установить правило поста (*Мф. 9,14; 17*). Свобода и радость были признаками группы Иисуса, и сам он сравнил это со свадебным пиром.

Во-вторых, у него не было никаких особых званий или признаков чести, воздаваемой последователям, что было обычным у раввинов. Он запретил ученикам называть кого-либо «отцом», потому что все они являются братьями и сестрами одного небесного Отца. И при этом он не разрешил им называть любого другого «раввином» (господином), как это случалось у учителей закона, потому что у них был только один учитель — сам Иисус (*Мф. 23,8; 11*).

Каждый раз, когда у учеников проявлялась воля к власти, он пресекал ее в корне; они должны были пребывать в состоянии детства (*Мф. 18,1–4*). И если ученики занимался каким-либо служением в группе, это не должно было походить на государственную структуру, где один является начальником другого (*Мф. 20,25–27*). Он настаивал на требовании равенства (*Мф. 23, 8*) и взаимного служения (*Мф. 20,25–28*), находя гневные слова для любого, желавшего возвыситься (*Мф. 23,12*).

Чтобы стать его учеником, нужно было искоренить личный интерес: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя» (*Мф. 16,24*), то есть отбросить личные амбиции. И помимо этого он рисует образ того, что следует сделать, чтобы противостоять желанию славы: «Возьми крест свой», то есть, быть готовым к

смирению, отвержению и даже осуждению окружающим обществом (*Мф. 6,10–12; 16,24*).

с) Решение

Принадлежность к Иисусу и возвешение благой вести следовало поставить над семейными узами (*Мф. 10, 37; Лк. 14, 26*), желанием славы, благоустроенной жизнью, безопасностью и мирским успехом (*Мф. 16,25–26*). Решение должно быть радикальным и бесповоротным: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (*Лк. 9,62*).

«Мир» у св. Иоанна

Подобное отвержение ложных ценностей общества выражено св. Иоанном как противостояние Иисуса и «мира». В негативном смысле это слово означает социальную, религиозную и политическую систему того времени. Грех еврейских вождей заключался в их принадлежности к властной системе, всегда основанной на лжи и насилии (*Ин. 8,23,44*).

В противоположность этим предводителям Иисус утверждал, что является идеальным пастырем, пришедшим, не для того чтобы разрушить и убить, но чтобы спасти и отдать собственную жизнь во спасение других (*Ин. 10,10–11*). Вождей, не в состоянии сделать подобное, он называет ворами и разбойниками (*Ин. 10,1–2,7*)⁸.

⁸ Чтобы быть с Иисусом, недостаточно просто быть хорошим человеком, но нужно порвать с развращенным миром. Принятие послания Божия исключает учеников из «мира сего» (ср. *Ин. 17, 14–16*). Таким образом, те, кто с Иисусом, должны отказаться от ценностей «мира сего». Если Бог — податель жизни христианской общины, то князь мира сего — Сатана (*Ин. 8,44; 12,31; 14,30*). Христианская группа должна хорошо знать об этой несовместимости; ей не подобает быть «от мира» (*Ин. 15,19*), или приспособливаться «к миру сему» (*Рим. 12,12; 1 Петр. 1,14*)

Иисус и люди: освобождение

Большим препятствием у слушателей для принятия послания Иисуса было уважение к еврейским вождям и установлениям. Иисус освободил от их власти людей двумя способами: словом и делом⁹: своими проповедями он подорвал престиж предводителей, но не как конкретных личностей (он никогда не называл собственных имен), но как класса. Фарисеи наслаждались почитанием, которые простые люди воздавали им за благочестивую жизнь. При этом люди чувствовали себя виновными, потому что были не в силах исполнить все религиозные обряды с такой же скрупулезностью, как фарисеи. Иисус перешел в открытое наступление: тех, кого почитали за святых, он назвал лицемерами (*Мф. 6,2,5,16*). Он именует их ворами по внутренней сути (*Мф. 23,25; Лк. 11,39*). Таким образом, он подрывает их влияние и кладет конец ложной идее, что святость состоит в исполнении множества обрядовых предписаний и благочестивых обычаев (*Мф. 5,20*).

Иисус не просто доказывает это словами; он заставляет учеников и людей открыть глаза на факты, каковы они есть и понять их; то есть, он пробуждает в них критический дух (*Мф. 6, 2,5,16; 15,14; 16,12; 23,5-7*). Столкнувшись со знатоками, или учителями, он объявляет, что их способ толкования и преподавания религиозного закона поверхностен и ложен, и люди не должны доверять подобному учению, потому что раввины преподают не Божие Откровение, но лишь собственное видение религии (*Мф. 15,3-9; 22,41-45; 23,16-22*).

Первосвященников, официальных идеологов религии и служителей храма, он назвал разбойниками (*Мф. 21,13*) и объявил, что Бог отменил их власть (*Мк. 12,9*). Храм, который был

⁹ Когда Иисус общался с людьми, он пытался освободить их от навязчивых идей, которыми они были одержимы и которые не давали им принять нового мышления Царствия Божия. Сегодня мы назвали бы это «пробуждением совести».

центром религии и гордостью еврейского народа, он назвал вертепом разбойников, бесплодным и проклятым местом (Мк. 11,12–21: смоковница — символ храма), и не впечатленный великолепием, он изрекает пророчество о его скором совершенном разрушении (Мк. 13,1–2).

Но Иисус делает больше, чем говорит. Он являет своими действиями неправду идей, пропагандируемых вождями. Он делает дела, запрещенные законом, и критикует толкования книжников. Например, в Ветхом Завете говорится (Лев. 13,45), что прикосновение к прокаженному приводит к осквернению. Иисус касается прокаженного, и происходит обратное: не Иисус оскверняется, но прокаженный очищается (Мк. 1,40–42). Согласно законникам, общение с неверующими является грехом. Но Иисус не только общался с ними, но и разделял трапезу с печально известными грешниками (Мк. 2,13–17). Законники постановили, что нельзя срывать колосья и размалывать их руками во время дня покоя; Иисус же заявил людям, что человек важнее, чем предписание относительно субботнего отдохновения (Мк. 2,23–28). Они установили, что прежде трапезы следует совершить ритуальное омовение рук на случай невольного прикосновения к «нечистому», но ни сам Иисус, ни его ученики не творили ничего подобного (Мк. 7,1–2; Лк. 11,37–38).

Было запрещено входить в дома язычников, но Иисус сам предложил пойти в дом сотника, слуга которого был при смерти (Мф. 8,5–8). Считалось неблагочестивым мужчинам идти вместе с женщинами, но Иисус обошел всю Галилею с двенадцатью учениками и несколькими женщинами, помогавшими им в служении (Лк. 8, 1–3). Законники учили, что для получения прощения от Бога следует совершить жертвоприношение в храме или сотворить дела милосердия, а Иисус прощал грешников просто по их вере (Мк. 2,1–5). Было непостижимо, чтобы уважаемый человек разрешил проститутке дотронуться до него,

а Иисус позволил раскаивающейся блуднице возливать духи на его ноги (*Лк. 7,36–39*).

Фактически, кроме веры в Бога, Иисус не оставил ничего из существующего еврейского религиозного кодекса, сведя его к справедливости и милости к ближним (*Мф. 7,12; 19,16–19; 22,34–40; 23,23; 54,34–36*). Все другие предписания: жертвоприношения в храме (*Мк. 12,32–34*), молитвы в определенные часы (*Лк. 5,33–34*), ритуальные омовения (*Мк. 7, 3*), различие разрешенной и запрещенной пищи (*Мк. 7, 19*) и следовательно отличие между религиозными (исполняющими обряды) и нерелигиозными (не соблюдающими предписаний) людьми, не представляли для него никакой ценности. Он заявил, что так называемые «грешники» более близки к Богу, чем считающиеся «праведниками» (*Лк. 18, 9–14*); то есть, он объявил недействительной вообще всякую религиозную практику. Для Бога ценно лишь доброе отношение к ближнему (*Лк. 10, 30–37*), и единственная вещь, оскверняющая человека, — злые намерения и причинение вреда ближнему (*Мк. 7,20–23*)¹⁰.

Но далее Иисус требует намного большего: недостаточно убить, простая ненависть уже убивает (*Мф. 6,21–22*). Избегать ложных присяг недостаточно, нужно быть совершенно искренним (*Мф. 5,33–37*). Мало любить любящих вас, нужно возлюбить и делать добро проклинающим (*Мф. 5,43–45*). Иисус хочет настоящей искренности и добросердечности во всех проявлениях повседневной жизни (*Мф. 7,12*).

¹⁰ Короче говоря, Иисус сводит древний еврейский обрядовый закон к моральному кодексу, подобному требованиям других религий и культур, и при этом он открывает дверь язычникам (*Мк. 3,7–8; Еф. 2,15*). Поскольку группа собиралась вокруг Иисуса, древний закон стал слишком узок, потому что сдерживал лишь внешние проявления и не мог сделать людей добрыми по сути.

Иисус заботится о тех, кто ищет его¹¹. Он принимает приглашения от богатых, но не скрывает от них своего послания (*Лк. 11,37–52; 14,1–14*).

Иисус и ученики: Откровение Мессии

У Иисуса было такое уважение к свободе учеников, что он сначала не показывал, что был Мессией; они должны были сами догадаться, глядя на его жизнь и дела¹². Он предоставил своим ученикам достаточно времени на размышление и однажды спросил: «Вы за кого почитаете Меня?» Петр от имени всех их сказал, что они считают его за обещанного Мессию, Сына Бога (*Мф. 16, 16*).

Это — вера, которую желал взрастить Иисус, и с тех пор его цель состояла в том, чтобы войти в столицу Иерусалим, чтобы осудить систему и предсказать ее конец. Но именно в этом и заключалась трудность: двенадцать признали его Мессией на основе своих собственных иллюзий и постоянно цеплялись за них. Они поняли этот титул в националистическом ключе, надеясь, что их наставник одержит победу в Иерусалиме и установит свою власть.

Иисус хотел избавить их от этой навязчивой идеи. С самого начала он им объяснил, что идет не для того, чтобы воцариться, но чтобы быть отверженным и убитым национальными лидерами. Это вызывает протест Петра, и Иисус адресует ему худшее оскорбление, на которое способен (*Мф. 16,21–23*). Все время по дороге в Иерусалим ученики, надеясь на личную выго-

¹¹ Если богатые спросили помочь, он помогал (*Мк. 5,22–24; 17,11–19*), но при этом он отказался судить денежные дела (*Лк. 12,13–14*).

¹² Он хотел основываться не на предвзятых представлениях, но на выборе, основанном на опыте; по этой причине он не позволял демонам провозглашать о том, кто он есть (*Мк. 1, 24–25; 3, 11–12*), что могло быть понято в ином смысле. По той же самой причине он отказался явить знамение с небес, но просил людей наблюдать за повседневными признаками (*Мф. 16,1–4; Мк. 8,11–13; Лк. 12,54–56*), то есть фактами.

ду, отказываются его понимать (Мк. 9, 30–32). Иисус трижды повторяет, что с ним произойдет (Мк. 10,32–34), но они не в состоянии постичь его мысли. Как можно заметить по вопросам Иакова и Иоанна, они все еще надеются, что Царствие Божие удовлетворит их тщеславие (Мк. 10,37). Они любят Иисуса, но националистические чувства и честолюбие мешают им понять учителя.

Когда они достигают Иерусалима, то попадают на организованную националистическую демонстрацию, приветствующую Иисуса как преемника Царя Давида (Мк. 11,10), реставратора монархии и национальной чести. Чтобы развеять подобные иллюзии, Иисус въезжает в город на спине осла, который был транспортным средством бедного человека, а не царей.

Иисус был терпелив со своими учениками; он назидал и укорял их, отвечая на все вопросы. Хотя он видел, что они не понимали, он не оставлял их и настаивал, что не все закончится с его смертью (Мф. 8,31; 9,31; 10,34). Эти двенадцать — пример того, какие сложные чувства испытывают угнетенные народы и как трудно отказаться им от идеи реванша (Деян. 1,6). Навязчивая идея учеников заключалась в том, чтобы вознестись на вершину социальной пирамиды. Подобное недоразумение уже случилось с Иисусом в Назарете. Когда он истолковал заключительный стих Исаяи, говоривший о возмездии, все люди поднялись против него. Когда же он сказал, что у Израиля не будет никакой привилегии как нации, они просто захотели его убить (Лк. 4, 16–30).

Иисус и власти: обвинение

Иисус столкнулся лицом к лицу с центральными властями¹³ в Иерусалиме, где он осудил правящий истеблишмент. Он

¹³ У Иисуса было много трений со старейшинами в Галилее (Мк. 2, 1–12; 13–17, 23–28; 3, 1–6; 8, 11–12) и туда были направлены эксперты из столицы, чтобы

знал, что это стоит ему жизни. Это было заключительным сражением, борьбой на смерть.

Он проклял смоковницу, бывшую символом храма, где деньги заняли место Бога (Мк. 11,12–21). Он не признал высшей священнической власти (11,27–33) и возвестил священникам, что Бог отверг их (12,9), а Израиль прекратил быть народом Божиим (Мф. 21,43). Он объявил, что Бог храмовых властей не был истинным, потому что это был Бог мертвых, которые не существовали (Мк. 12,28–27). Он оскорбил первосвященников, сказав им, что сборщики налогов и проститутки ближе к Царству Божию, чем они (Мф. 21,28–32). Еще раз он свел Ветхий Завет к любви к Богу и человечеству, не приняв во внимание религиозных аспектов (Мк. 12,28–34). Он опроверг учение книжников о Мессии как реставраторе царства Израиля и власти династии Давида (Мк. 12,35–37). Он бросил серьезное обвинение руководителям правящего режима, оскорбив их в присутствии людей (Мф. 23,1–36). Тем не менее, Иисус был весьма сентиментален и не скрывал своей печали о грядущих бедствиях из-за упрямства народных вождей (Мф. 23, 37–39).

Когда схватка закончилась, Иисус оставил храм, чтобы никогда больше туда не вернуться. Он предрек разрушение храма и города ученикам, заверив их в то же самое время в успехе дела, которое начал (Мк. 13)¹⁴.

Вечеря

Именно на своей последней вечере Иисус дал заключительно наставление. Он продолжил начатое чудесным умноже-

узнать, что в Галилее произошло с «провинциальным пророком». Естественно, они увидели все в неблагоприятном для Иисуса свете.

¹⁴ Иисус знал, что его обвинение приведет к смерти, но он все еще должен был некоторое время побыть с учениками, чтобы дать им последние наставления и подготовить их к испытанию. По этой причине он скрывался, ибо вожди уже решили убить его (Мк. 14,1–2), и им нужен был его ученик, согласившийся указать на него (Мк. 14,10–11).

ния хлебов, когда обещал божественное благословение и изобилие бедным, разделившим все, что имеют. Хлеб должен быть разделен — но с хлебом они должны были отдать все, даже самую жизнь. Преломление хлеба — выражение безграничной любви.

Это то, что сотворил Иисус. Дав им все, он собирался отдать свою жизнь за них и за все человечество. То же самое должно совершаться в группах учеников. Этим хлебом, образом и средством любви к друг другу, является сам Иисус, и в подобной общине таинственно присутствует он сам. Совместное вкушение тела и питье крови Иисуса является созиданием нового народа Божия.

Его заключительное слово состояло в том, что они должны жить и умереть, поскольку он жил и умрет (это есть мое тело — это есть моя кровь), что они следуют за ним до смерти в созидании нового общества учеников и противостоянии злу в мире, как делал это он. Так как это вне человеческих сил, он дает им свою собственную жизнь. Евхаристия, в которой Иисус дал самого себя избранным ученикам, содержит требование жить в братстве и противостоять миру, который убьет Иисуса.

В то же самое время Иисус ободрил их. Его смерть не будет концом всего; испытание должно было скоро закончиться, и успех был гарантирован; он объявил им о своем воскресении (Мк. 14,27–31).

Крест

В момент истины Иисус испытывал ужас и страдание (Мк. 12, 33). Неужели он должен умереть, как преступник, чтобы обнажить зло человеческого общества и спасти человечество? Он даже просил Отца найти другое решение, но понял, что борьбу на смерть можно показать лишь умерев; в противном случае это было лишь словами, которым никто не поверит. Он принял план Отца полностью. Он должен был разоблачить зло мира

денег и власти, убивающих Иисуса и людей. Иисус не уступил бы даже за счет собственной жизни.

Следуя своим путем, он не прибег к сопротивлению, не позволив никому защитить себя (*Мф. 26,50–52*; ср. *Мф. 5,5*); чтобы не дать повода для власти скрыться за маской правосудия. Он не испугался еврейского трибунала. Он объявил, что является Мессией, что Бог с ним и против них, что он обязательно одержит победу, а его противников ждет поражение (*Мк. 14,61–62*).

Религиозные старейшины плевали на него и велели избить (*Мф. 26, 67–68*). Римские солдаты, представители репрессивного аппарата и насилия, насмеялись над ним, истекающим кровью (*Мф. 27,27–31*). Находясь под сильнейшим влиянием вождей, люди потребовали его распятия на кресте (*Мф. 27, 20–26*); и, зная его невиновность, римский прокуратор осудил его на смерть (*Мф. 27, 28*).

Крест Иисуса — радикальное осуждение несправедливого мира (*Гал. 6,14*). Нельзя убежать от креста, нужно либо остаться с замученным на нем, либо встать вместе с распинателями — нет никакого среднего пути. Все, что Бог ценит, мир ненавидит и убивает. Уважаемое миром Бог ненавидит. Через Иисуса Бог предлагает всеобщее равенство, солидарность, взаимопомощь, свободу, любовь и счастье с Собой как царем и отцом. Но господство, насилие, несправедливость, религиозная и гражданская власть, правящий класс и люди, ищущие их безопасности в учреждениях, ненавидят жизнь и несут смерть. Они предпочитают кесаря в качестве царя (*Ин. 19,15*).

Все же Бог не побежден. Юноша возвестил радостную весть женщинам, хотя его слова были странными: «Вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь — Он воскрес». Можно было бы ожидать больше титулов: Иисуса Мессию, Сына Божия. Но нет, юноша рассказывает простую историю: Иисуса, плотника из Назарета, осудили как преступника. И он свидетельствует, что

Иисус воскрес. Это полное одобрение Богом жизни и служения Иисуса; послание и страдание, которое пережил Иисус, санкционированы Богом, а враги Иисуса — враги Бога. Смерть, перенесенная во спасение человечества, приводит к жизни. Бог не безразличен к нашим стремлениям освободиться от голода и притеснений — в этом содержится, как он обещает, воскресение для последователей Иисуса. История начинается снова и снова: «Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Мк. 16,5–7)¹⁵.

Христианское сообщество

Нельзя по собственному произволению уверовать в Иисуса и последовать его образу жизни (*Ин. 6,44,65*), необходима переоценка ценностей. Иоанн называет это «рождением свыше» (*Ин. 3,3–8*), а Павел — «новым творением» (*2 Кор. 5,17; Гал. 6, 15*) или «новым человеком» (*Еф. 4, 24; Кол. 3, 9–10*). Другими словами, чтобы принять образ жизни, требуемый Иисусом, нужно получить Духа, силу Божию (*Рим. 8, 2,4; Гал. 5,16*). Человеческий эгоизм настолько силен, что, если Бог не преобразит человека изнутри, настоящая любовь и подлинная солидарность невозможны. Согласно обещанию Иисуса ученики получают Духа Божия, и только тогда они прекратят жить во имя собственных интересов и последуют его примеру (*Лк. 24,49; Деян. 1,5; 2,1–4,38; 10,44; 11,17; 2 Кор. 5,15*).

¹⁵ Антисемитизм в Евангелиях? Иногда евангелистов обвиняют в антисемитизме. Это — ошибка. То, что случилось в Палестине, могло произойти в Греции или Риме, если бы Иисус жил и действовал там; мир — то же самый на всем протяжении истории. То, что это случилось в Израиле, среди людей, особенно почитающих Бога, является самым убедительным доказательством, что власть и богатство делают людей глухими к гласу Божию и толкают на убийство его вестников (*Мф. 23,29–37; ср. Лк. 16,29–31*). Христианам было легче возложить вину за смерть Иисуса на еврейский народ, чем испытывать угрызения совести, пробуждаемое Евангелием. В отвержении и убийстве Иисуса была вина не евреев, но насилия и жажды власти, которые были и есть во всех народах во все времена, а не только в Палестине первого века.

В группе первых учеников были любовь друг к другу, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, крепость, воздержание (*Гал. 5,22–23; Кол. 3,12–13*). Это была община без привилегий: расовых, национальных, социальных, классовых или половых (*1 Кор. 12,13; Гал. 3,28; Кол. 3,11*); группа, где все барьеры упали, и в которой исчезла всякая враждебность, потому что Иисус Христос всех примирил (*Еф. 2,13–16*).

Таким образом создано сообщество, в котором нет никого выше или ниже, но все являются последними и первыми в то же самое время (*Мф. 19, 30*). Это сестры и братья с одним отцом, служители единого Бога, ученики с одним учителем, бедные люди, чье богатство и безопасность непосредственно пребывают в самом Боге (*Мф. 6,19–21; Мф. 19,21*). Здесь нет своего или чужого (*Деян. 4,32*). Это группа, наполненная совершенной радостью (*Ин. 15,11; Ин. 16,24*), взаимной привязанностью (*Рим. 12,10; Кол. 3,12*), скорым и безграничным прощением (*Мф. 18,21–22; Кол. 3,13*); где нет соперничества и пристрастности, но все объединены в любви (*Кол. 3, 14*) и взаимной поддержке (*Мф. 5,7*). Каждый берет на себя бремя других (*Гал. 6,2*), каждый стремится служить всем (*Рим. 12,3–8; 1 Кор. 12,4–11; Еф. 4,11–13*), и власть подразумевает скорее служение, чем начальствование (*Лк. 22,26–27*).

Помимо работы Духа в каждом, группа также должна испытать присутствие Господа Иисуса (*2 Кор. 13,5*) и действие его Духа (*Гал. 3,5*). Этот опыт углубляет веру. Он подобен ежедневной жизни двенадцати с Иисусом, приведшим их к познанию его как Мессии и Сына Божия (*Мф. 16,1*). Послание Иисуса должно отразиться в жизни группы, которая должна ему следовать, сравнивая личные дела и деяния сообщества с его учением. Для учеников прославленный Бог — спасение, жизнь, радость, сила и надежда (*Кол. 3,4*). Иисус в земной жизни и в смерти является путем и истиной (*Еф. 4, 20–24*).

Только жизнь в общей молитве и евхаристии удерживают сообщество вместе и разрешают напряженные отношения и возникающие трудности (Филип. 4,4–7). Это помогает также поддержать слабых (Мф. 18,12; Гал. 6,1). У низких инстинктов, могущих проявиться, соперничества и партийного духа нет иного противоядия, кроме Духа Божия (Гал. 5,16); и миссия Духа состоит в том, чтобы напоминать и толковать послание Иисуса (Ин. 14,26; Ин. 16,13–15).

Совместная молитва также выражает радость веры, высказанную в благодарении Богу через Иисуса Христа (Еф. 5,18–20; Кол. 3,16), и товарищество, находящее естественное выражение в евхаристии (Деян. 2,42).

Миссия и мир

Группа по определению не эгоцентрична, поскольку ученики — «ловцы человеков», привлекающие других к новому образу жизни. Это делается не ради навязывания личных мыслей, но через постижение собственного счастья: человек, нашедший сокровище и жемчуг, хочет, чтобы другие также обрели их (Мф. 13, 44–46).

Для миссии первичное и абсолютное значение имеет само существование группы. Если новое общество учеников не живет так, как требует Иисус, то все бесполезно. Миру нечего предложить кроме пустых слов и идей. Любовь и счастье, как можно заметить, возможны. Печально видеть, когда ожесточившиеся христиане пытаются сделать других счастливыми, не понимая, в чем состоит христианская радость и мир. Отказ от этих мирских ценностей делается «во имя радости» того, что нашел сокровище (Мф. 13,44).

Группа должна быть видимой, и польза, которую она приносит вокруг, должна быть заметной (Мф. 4,14–16); послание должно возвещаться без страха (Мф. 10,26–27), но разумно (Мф. 7,6; 10,16).

Человек, провозглашающий благую весть (*Мф. 10, 5–15*), представляется бедняком (без денег или припасов), приятным (приветливым), простым (принимающим гостеприимством), нетребовательным (не меняющим жилье, *Мк. 6,10*), практичным, убежденным в безотлагательности дела (не напрасно тратящий время в бесконечных приветствиях, *Лк. 10,4*), серьезности и важности миссии. Такой человек должен явить реальность спасения, излечивая больных и изгоняя демонов. Таким образом, посланец во имя Иисуса является образом сообщества, к которому принадлежит. Он должен жить так, как проповедует, и ощущать спасение, которое он предлагает другим.

Иоанн выражает миссию, являясь орудием Духа Божия в свидетельстве против мира. Дух хочет доказать миру, что распятый Иисус был невиновен и был прав; поэтому падший мир виновен в осуждении праведника (*Лк. 5,26–27; 16,8–11*). Христиане должны встать лицом к лицу с миром, чтобы осудить зло, как это сделал Иисус (*Ин. 7, 7*). Мы не можем обречь мир на царящую в нем несправедливость. Передача послания Иисуса вызовет ненависть в мире, и он будет преследовать христианскую группу, как сделал это с Иисусом (*Ин. 15,18–22; 16,1–4*). Но не надо падать духом, потому что проповедь — дело Божие, а Иисус победил мир (*Ин. 16,33*). К тем, кто перед лицом этого ведомого Духом обвинения признает ошибку, грехи будут прощены, но упорствующие во зле будут осуждены (*Ин. 20,21–23*). И мы должны настойчиво молиться, чтобы Бог положил конец несправедливости в мире (*Лк. 18,1–8*).

Другой важный аспект миссии — наше отношение к страданию и несправедливости. Нельзя остаться безразличным к страданию любого вида. Иисус никогда не отказывался излечить больного человека, он не отворачивался от горя вдовы (*Лк. 7,11–17*); он помог просящим об их детях (*Мк. 9,21–27; Ин. 4*) и человеку с умирающим ребенком (*Мк. 5,22–24*). Он имел сострадание к невежеству людей и неустанно им проповедовал (*Мк.*

6,34); большая толпа оставалась с ним целых три дня, и он дал людям пищу, когда они проголодались (Мк. 8,1–3). И обратите внимание, что это он сделал людям, не собиравшимся быть его учениками. Он делал добро, не для чтобы получить последователей, но из-за милосердия. Неоднократно он запрещал огласку, которая бы помешала его проповеди (Мк. 1,44; 5,43; 7,36). Для Иисуса быть в центре общественного внимания не означало успеха, ибо это не способствует Царству Божию (Мк. 1,35–39; 6,45; 7,24).

Как Иисус, христиане должны чувствовать страдание и горе, быть открытым к нуждам других и готовым помочь улучшить их участь: у группы христиан есть обязательство противостоять несправедливости мира сего. Первая задача — пробуждение совести людей, что является делом Иисуса. Нужно открыть их глаза на причины зла. Они должны отвергнуть лозунги общества, первый из которых гласит, что счастье состоит в обладании, стяжании, обогащении, приобретении общественного положения и господстве над другими. Идолы, созданные идеологиями, должны быть отвергнуты, независимо от их природы, и люди должны увидеть свое настоящее достоинство. Таким образом, нужно трудиться, чтобы создать свободных людей. В этом последователи Иисуса лишь подражают своему учителю.

Затем следует взять инициативу (или поддержать существующие), чтобы облегчить человеческое горе и преодолеть угнетение и несправедливость. В то же самое время не следует ни придерживаться господствующей идеологии, ни отождествлять подобную «освободительную» деятельность с Царством Божиим. Борьба с несправедливостью можно и нужно, но в пылу борьбы христианская группа не должна забывать, что Иисус, в отличие от zelотов, не отождествлял Царствие Божие с реформой правления.

Однако как бы мы ни пытались, пока люди не изменяются, и Бог не искореняет честолюбие из сердец, несправедливость

продолжит существовать, так или иначе. Иисус учит, что решение лежит не в деньгах и системе власти; спасение человеческого общества возможно лишь через пришествие Царства Божия в группе «блаженных нищих духом», где властолюбие и соперничество замещены любовью и человечностью. И лишь один Бог в состоянии сотворить новое человечество, рожденное Духом.

Отсюда должно быть ясно, что верующие в Иисуса должны направить все свои силы на созидание сообществ, живущих его посланием во всей полноте.

Переведено с английской версии: *Mateos J. The Message of Jesus // Sojourners. July 1977. № 6. P. 8-16*